И. М. Громогласовъ.

Новая попытка рѣшить старый вопросъ о происхожденіи „Стоглава“.

РЯЗАНЬ.
Типографія Братства св. Василія.
1905.

И. М. Громогласовъ.

НОВАЯ ПОПЫТКА
РѢШИТЬ СТАРЫЙ ВОПРОСЪ
О ПРОИСХОЖДЕНІИ
„СТОГЛАВА“.

РЯЗАНЬ.
Типографія Братства св. Василія.
1905.

Отдѣльный оттискъ
изъ №№ 1 и 2 Миссіонерскаго Сборника.
1905 г.

Новая попытка рѣшить старый вопросъ о происхожденіи „Стоглава“ [1]).

I.

Знаменитый памятникъ древне-русской письменности, извѣстный подъ именемъ „Стоглава“, издавна составляетъ у насъ предметъ противорѣчивыхъ сужденій и—порою—весьма оживленныхъ споровъ, въ значительной степени обязанныхъ своей остротой тому обстоятельству, что рѣшеніе возбуждаемыхъ въ этомъ случаѣ историко-литературныхъ вопросовъ нерѣдко осложняется интересами противораскольнической полемики. Дѣло въ томъ, что на страницахъ названнаго памятника, какъ извѣстно, нашли себѣ мѣсто излагаемыя отъ имени церковнаго собора 1551 г. опредѣленія о нѣкоторыхъ особенностяхъ древне-русской религіозной обрядности и быта, ставшихъ впослѣдствіи отличительными особенностями и „великими догматами“ старообрядческаго раскола. Обстоятельство это, достаточно объясняющее высокій авторитетъ и безусловную достовѣрность „Стоглава“ въ глазахъ старообрядцевъ-раскольниковъ, дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ и то, что со стороны православныхъ писателей, подходившихъ къ изученію даннаго памятника съ желаніями и запросами, подсказанными полемической тенденціей, обнаруживалось стремленіе подорвать или, по крайней мѣрѣ, ослабить его значеніе не только какъ оффиціальнаго акта, но и просто—какъ историческаго свидѣтельства. Что касается объективныхъ историко-литературныхъ изслѣдованій, такъ или иначе соприкасавшихся съ вопросомъ объ историческомъ значеніи „Стоглава“ и его литературной подлинности, то они, независимо отъ какихъ-бы то ни

[1]) Рефератъ, прочитанный, съ небольшимъ сокращеніемъ, въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и древностей Россійскихъ, состоящемъ при Московскомъ Университетѣ, 21 декабря 1904 г.

было предвзятыхъ тенденцій, въ своихъ окончательныхъ выводахъ оказываются не вполнѣ одинаковыми: на ряду съ рѣшительнымъ признаніемъ этого произведенія за подлинные соборные акты, попытки оспаривать его подлинность въ указанномъ смыслѣ встрѣчаются и у такихъ изслѣдователей, которые, занимаясь изученіемъ „Стоглава", вовсе не имѣли въ виду увеличивать своими изысканіями запасъ миссіонерско-полемическихъ аргументовъ...

Исходною точкою не совсѣмъ одинаковыхъ воззрѣній на „Стоглавъ", сложившихся на почвѣ православной противораскольнической полемики, послужило опредѣленіе Большого Московскаго собора 1667 г., отозвавшагося о знаменитомъ соборѣ—предшественникѣ слѣдующимъ образомъ: „А соборъ, иже *бысть* при благочестивомъ великомъ государѣ, царѣ и великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, всея Россіи самодержцѣ, отъ Макаріа, мирополита Московскаго, и что *писаша* о знаменіи честнаго креста, сирѣчь о сложеніи двою перстовъ, и о сугубой аллилуіи и о прочемъ, еже писано неразсудно, простотою и невѣжествомъ, *въ книзѣ Стоглавѣ*, и клятву, юже безъ разсужденія и неправедно положиша, мы... тую неправедную и безразсудную клятву макаріеву и того собора разрѣшаемъ и разрушаемъ, и той соборъ не въ соборъ, и клятву не въ клятву, но ни во что вмѣняемъ, якоже и не бысть: зане той Макарій митрополитъ, и иже съ нимъ, мудрствоваша невѣжествомъ своимъ безразсудно, якоже восхотѣша сами собою, не согласяся съ греческими и древними харатейными словенскими книгами, ниже со вселенскими святѣйшими патріархи о томъ совѣтоваша и ниже вопросишася съ ними" [1]. Въ приведенныхъ словахъ мы имѣемъ ясно выраженное сужденіе компетентной церковной власти второй половины XVII в. не только относительно каноническаго достоинства опредѣленій собора 1551 г., которое совершенно отрицается, но и относительно подлинности, или исторической достовѣрности какъ самого этого собора, такъ и его опредѣленій по обрядовымъ вопросамъ, содержащихся въ книгѣ „Стоглавъ". Ни принадлежность этихъ опредѣленій названному собору, ни

[1]) Матер. для исторіи раскола, изд. под. ред. проф. *Н. И. Субботина*, т. II, стр. 220—221.

происхожденіе отъ него книги, только-что поименованной, очевидно, въ то время не возбуждали ни малѣйшаго сомнѣнія. Совершенно такъ-же смотрѣли на дѣло и православные писатели-полемисты XVII и XVIII в.в.: не отрицая ни исторической достовѣрности собора, ни подлинности сохранившихся съ его именемъ въ книгѣ „Стоглавъ“ опредѣленій о двуперстіи, сугубой аллилуіи и тому подобныхъ обрядовыхъ предметахъ, они старались только ослабить силу этихъ опредѣленій, заявляя, напр., что, „соборъ сей не точію стоглавнымъ, но и единоглавнымъ назваться не можетъ, понеже на немъ ни единыя главы, имущія мозгъ чистый, могущія здраво разсуждати, не было“ [1]). Этимъ сужденіемъ, если бы оно было совершенно справедливо и основательно, значеніе стоглаваго собора, очевидно, сводилось бы къ нулю независимо отъ самой неоспоримой фактической достовѣрности его постановленій. Но въ послѣдующее время одному изъ церковныхъ историковъ нашихъ (преосв. Иннокентію, автору „Начертанія церковной исторіи“) даже и этого показалось мало: въ избыткѣ полемическаго усердія онъ сдѣлалъ попытку набросить тѣнь сомнѣнія на самый фактъ собора 1551 г., стараясь отождествить его съ другимъ соборомъ—объ учрежденіи Казанской епархіи (относимымъ къ 1555 г.), относительно же содержащихся въ „Стоглавѣ“ постановленій высказалъ мысль, что они „или не слушаны соборомъ, или слушаны, но не одобрены“ [2]). Однако, отрицаніе исторической достовѣрности такъ наз. стоглаваго собора было уже такою крайностью, повторять которую не нашлось охотниковъ даже среди тѣхъ православныхъ писателей, которыхъ никакъ нельзя упрекнуть въ недостаткѣ полемическаго усердія [3]). За то была усердно подхвачена и успѣшно привилась въ нашей историко-полемической литературѣ мысль, высказанная другимъ авторомъ, что хотя соборъ 1551 г. и былъ, но возбужденные на немъ вопросы, вслѣдствіе разнаго рода обстоятельствъ, не получили

---

[1]) Слова преосв. Никифора Ѳеотоки. *Бѣляевъ И. В.* Наказные списки соборнаго уложенія 1551 г. или Стоглава, стр. 2. М. 1863.

[2]) См. назв. сочиненіе преосв. Иннокентія, отд. 2-е, стр. 434—435. изд. 5-е, М. 1833.

[3]) См., напр., преосв. *Игнатія*, архіеп. Воронежскаго, Исторію о расколахъ въ церкви россійской, ч. I, стр. 84, изд. 2-е, СПБ. 1862.

окончательнаго рѣшенія, опредѣленія собора не были точно формулированы и не получили оффиціальной санкціи [1]). Развивая эту мысль далѣе, стали утверждать, что теперешняя книга „Стоглавъ“ есть не болѣе, какъ черновая запись о дѣяніяхъ собора, и при томъ еще сохранившаяся не въ первоначальномъ видѣ, а поврежденная впослѣдствіи „рукою пристрастною и не совсѣмъ искусною“, внесшею свои произвольныя измѣненія и дополненія. Къ числу послѣднихъ были отнесены извѣстныя опредѣленія „Стоглава“ о двуперстіи, сугубой аллилуіи и т. п., составляющія предметъ пререканій между православными и раскольниками,—такъ какъ казалась невѣроятною принадлежность такихъ „невѣжественныхъ“ опредѣленій собору русскихъ іерарховъ съ умнымъ и книжнымъ м—томъ Макаріемъ во главѣ. Этотъ взглядъ, опредѣленно формулированный въ 1845 г. преосв. Филаретомъ, еп. рижскимъ (впослѣдствіи архіеп. черниговскимъ), въ небольшой журнальной замѣткѣ [2]) и полнѣе развитый преосв. Макаріемъ въ его „Исторіи русскаго раскола“ [3]), при неоспоримыхъ миссіонерско-полемическихъ удобствахъ, казался въ свое время настолько основательнымъ, что при печатномъ изданіи „Стоглава“ въ 1862 г. редакторъ его, баккалавръ Казанской дух. академіи И. М. Добротворскій счелъ возможнымъ въ предисловіи со всею рѣшительностію объявить всѣ болѣе важные вопросы о „Стоглавѣ“ поконченными и неподлинность его, въ качествѣ соборныхъ актовъ, вполнѣ доказанною. Но какъ разъ въ это самое время опубликованы были новые матеріалы для исторіи стоглаваго собора, поставившіе вопросъ о названномъ памятникѣ на болѣе твердую почву и склонившіе рѣшеніе его совсѣмъ въ другую сторону. Разумѣемъ—кромѣ напечатанной въ самомъ казанскомъ изданіи „Стоглава“ (стр. 258—260) грамоты м—та Макарія въ Симоновъ монастырь съ замѣткою о разсылкѣ по монастырямъ выписки изъ „соборные книги“ опредѣленно указанныхъ главъ—найденные еще въ 1849 г. и изданные Ил. В. Бѣляевымъ

---

[1]) См. *Платона*, м—та моск. Ист. русск. церкви, т. II, стр. 36 и д.

[2]) „Нѣск. словъ о Стоглавѣ“,—Москвитянинъ, 1845 г., ч. VI, № 12, отд. I стр. 136.

[3]) Цит. по 2-му изд., СПБ. 1858, стр. 48—60.

въ 1863 г. два списка „наказа“, или наказной грамоты того же м—та Макарія къ бѣлому духовенству, составленной по „соборному уложенію“ 1551 г. и содержащей въ себѣ то вполнѣ, то въ извлеченіи и сокращеніи, почти всѣ опредѣленія „Стоглава“ [1]). Съ открытіемъ этихъ и нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ, содержащихъ въ себѣ ссылки на различныя части того же „соборнаго уложенія“ и даже буквальныя выписки изъ него, казалось, безпристрастнымъ историкамъ оставалось только, вслѣдъ за преосв. Макаріемъ, имѣвшимъ мужество открыто сознаться въ ошибочности своего прежняго взгляда на „Стоглавъ“, признать, что „сомнѣваться въ подлинности этой книги было бы уже неразумно“ [2]). Сомнѣвающіеся продолжали, однако, являться и потомъ, дѣлая попытки отстоять „неразумный“, по выраженію преосвященнаго историка церкви, взглядъ на основаніи новыхъ данныхъ. Главную опору для себя сторонники этого взгляда хотятъ найдти въ несходствѣ тѣхъ редакцій, въ какихъ дошла до насъ книга „Стоглавъ“, не сохранившаяся въ первоначальной рукописи. До недавняго времени такихъ редакцій насчитывалось три: 1, *полная*, имѣющаяся въ наиболѣе старыхъ спискахъ (XVI в.) и воспроизведенная въ двухъ печатныхъ изданіяхъ (упомянутомъ казанскомъ и проф. Н. И. Субботина, М. 1890); 2, *краткая*, извѣстная лишь по болѣе позднимъ спискамъ (не ранѣе XVII в.) и также изданная печатно (Кожанчиковымъ, СПБ. 1863); 3, неполная, т. е. не обнимающая всего обычнаго содержанія „Стоглава“, редакція соборныхъ

---

[1]) *Бѣляевъ, Ил.*, цит. брош., стр. 5. Одинъ изъ этихъ списковъ адресованъ былъ (1551 г.) во Владиміръ, другой (1558 г.)—въ Каргополь.—Весьма близкое сходство съ митрополичьимъ наказомъ бѣлому духовенству представляетъ изданный въ 1873 г. по ркп. XVI в. проф. *А. С. Павловымъ* наказъ, посланный въ 1552 г. въ Вязьму и Хлѣпенъ однимъ изъ членовъ собора, Саввою, еп. сарскимъ и подонскимъ (см. Записки Императ. Новоросс. унив., т. IX: „Еще наказный списокъ по Стоглаву“, стр. 1—37). Въ концѣ его приложены, *по замѣчанію издателя, цѣликомъ* почти всѣ тѣ главы изъ „соборнаго уложенія“, которыя посланы были и при грамотѣ м—та Макарія въ Симоновъ монастырь (см. предисл. къ сейчасъ названному изданію наказа, стр. 2).

[2]) См. брошюру преосв. автора: „Правило стоглаваго собора о двуперстіи съ исторической точки зрѣнія“, стр. 5, М. 1875. Ср. его же—Ист. рус. церкви, т. VI, стр. 220—227 и д. Сн. *Павлова А. С.*—предисловіе къ изд. имъ списку наказа, стр. 4 *Голубинскаго Е. Е.* Ист. рус. церкви, т. II, перв. пол., стр. 783—4. М. 1900.

постановленій 1551 г., извѣстная по изданію Калачева [1]), которую можно назвать *сокращенно-распространенною*, такъ какъ текстъ ея (соотвѣтствующій приблизительно 40 первымъ главамъ обычнаго состава) по изложенію мѣстами короче, а иногда—значительно пространнѣе сравнительно даже съ полной редакціей". Въ настоящее время къ нимъ нужно присоединить еще четвертую, содержащуюся въ рукописи XVI вѣка (новгородской Софійской библіотеки № 21), открытой и описанной г. Л. И. на страницахъ „Богословскаго Вѣстника" за 1899 г. (сент.—окт.). Въ этомъ спискѣ „Стоглава" мы имѣемъ текстъ полной редакціи, но въ иномъ порядкѣ, съ инымъ распредѣленіемъ по главамъ, съ нѣкоторыми важными пропусками и неважными дополненіями въ немъ. Вотъ на это-то разнообразіе редакцій [2]) и указываютъ иногда возражатели противъ „Стоглава" въ доказательство его неподлинности, упуская изъ вида, что различіе извѣстныхъ въ настоящее время текстовъ не исключаетъ возможности признать одинъ изъ нихъ за основной и подлинный, въ отношеніи къ которому остальные должны быть признаны за позднѣйшія передѣлки. Весь вопросъ, такимъ образомъ, будетъ сводиться къ тому, можетъ-ли въ дѣйствительности одна изъ указанныхъ редакцій „Стоглава", и

---

[1]) См. Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, относящихся до Россіи, 1860—1861 г. кн. 5: „Правила, постановленныя на соборѣ 1551 года, 23 февраля" (стр. 1—44). Для болѣе полнаго представленія о составѣ этой редакціи памятника нужно имѣть въ виду другіе ея списки, которыхъ извѣстно два: одинъ—въ сборникѣ Имп. Публ. Б—ки, указ. въ „Описаніи рукописей гр. Толстого", отд. II, № 403, стр. 541—544; другой—въ сборникѣ № 583 (326) б—ки гр. Уварова (см. описаніе рукописей этой библіотеки, сост. архим. Леонидомъ, ч. I, стр. 657).

[2]) Помимо указанныхъ выше, существуетъ еще одно печатное изданіе „Стоглава", самое раннее по времени, выпущенное въ Лондонѣ, изъ извѣстной „Вольной русской типографіи", въ 1860 г. Текстъ „Стоглава", воспроизведенный здѣсь, заимствованъ, по словамъ издателей, изъ рукописи (неизвѣстнаго времени), принадлежавшей Н. А. Полевому, и—не совпадая вполнѣ ни съ одною изъ указанныхъ редакцій назв. памятника, всего ближе подходитъ къ его полной редакціи, но отличается большимъ числомъ ошибокъ, „отнимающихъ всякое достоинство у этого труда" (см. библіографич. замѣтку объ этомъ изданіи „Стоглава" въ Христ. Чтен. за 1861 г., т. II, стр. 263). Ошибки состоятъ „или въ пропускѣ словъ и даже цѣлыхъ мыслей, или въ перемѣнѣ словъ на другія, не соотвѣтствующія мысли, или—наконецъ—въ извращеніи и неправильной разстановкѣ словъ до потери смысла въ рѣчи" (тамъ же, стр. 264).

какая именно, быть признана за первоначальную и оффиціальную запись, „соборнаго уложенія“ 1551 г. Не вдаваясь въ подробныя разысканія относительно этого предмета, достаточно будетъ замѣтить, что первоначальною не можетъ быть признана ни вторая редакція (краткая), въ которой, между прочимъ, встрѣчается (въ гл. 9) ссылка на „печатные служебники“, какъ извѣстно, еще не существовавшіе у насъ во времена стоглаваго собора, ни третья (сокращенно-распространенная), въ которой, помимо ея неполности, внимательное изслѣдованіе безъ труда различитъ признаки неискусной переработки текста полной редакціи. Что касается двухъ остальныхъ, то изъ нихъ первенство, безъ сомнѣнія, принадлежитъ не новооткрытому списку, а тому изложенію соборныхъ постановленій, какое мы имѣемъ въ печатныхъ изданіяхъ казанской академіи и проф. Субботина. Объ этомъ убѣдительно говорятъ какъ „наказные списки“, представляющіе должное соотвѣтствіе содержанію „Стоглава“ лишь въ этой именно его редакціи, такъ и нѣкоторые другіе письменные памятники, гдѣ мы встрѣчаемъ не только дословныя буквальныя выписки изъ названной книги въ текстѣ полной редакціи, но и съ тою самою нумераціей главъ, какая имѣется въ ней. Указаннымъ соотношеніемъ этой редакціи съ „наказными списками“ рѣшается вопросъ и объ ея оффиціальномъ характерѣ. Дѣло въ томъ, что названные сейчасъ акты, по общепринятому мнѣнію, представляютъ не что иное, какъ „сокращенныя выписки“, посредствомъ которыхъ епархіальная власть сообщала „къ свѣдѣнію и исполненію“ подчиненнымъ ей органамъ церковнаго управленія о тѣхъ постановленіяхъ, которыя передъ тѣмъ были „уложены“ на соборѣ. Соотвѣтствіе этихъ выписей содержанію и тексту „Стоглава“ въ полной его редакціи естественно вело къ заключенію, что въ ней мы имѣемъ не только древнѣйшій изъ существующихъ, но первоначальный и подлинный текстъ соборныхъ опредѣленій. Такое заключеніе казалось уже послѣднимъ и твердымъ словомъ науки по занимающему насъ вопросу. По суду компетентнѣйшаго современнаго изслѣдователя въ области нашего церковно-историческаго прошлаго, „въ настоящее время уже не можетъ подлежать никакому спору и сомнѣнію, что соборъ не только написалъ свои постановленія,

но и утвердилъ и обнародовалъ ихъ собраніе, какъ законодательный кодексъ, и что мы имѣемъ собраніе постановленій, какъ таковой кодексъ, въ книгѣ, называемой *Стоглавникомъ* или *Стоглавомъ*" [1]).

Авторитетное сужденіе ученаго изслѣдователя, слова котораго нами только-что приведены, не предотвратило, однако, попытки еще разъ заподозрить тождество извѣстной намъ книги „Стоглавъ" съ „соборнымъ уложеніемъ" 1551 г. На этотъ разъ попытка шла уже не со стороны противораскольнической миссіи, хотя и была сдѣлана на страницахъ духовнаго журнала. Разумѣемъ помѣщенную въ апрѣльской книжкѣ „Богословскаго Вѣстника" за истекшій годъ (стр. 663—701) статью г. *Н. Кононова:* „Разборъ нѣкоторыхъ вопросовъ, касающихся Стоглава" [2]). Авторъ не колеблясь признаетъ за „первичную" редакцію этого памятника „обычные типы Стоглава" (стр. 695), разумѣя подъ ними такъ наз. полную редакцію, которой онъ пользуется во 2-мъ казанскомъ изданіи 1887 г. Но онъ въ одномъ мѣстѣ своей статьи (стр. 689) еще довольно неопредѣленно, а въ другомъ (стр. 692)—уже совсѣмъ рѣшительно отказывается признать тождество „Стоглава" съ подлинной „соборной книгой", видя въ немъ переработку этой послѣдней, да при томъ еще не непосредственную, а опирающуюся на извлеченія изъ подлинной „соборной книги". Важнѣйшимъ основаніемъ для такого отрицательнаго взгляда на „Стоглавъ" въ отношеніи его подлинности неожиданнымъ образомъ оказываются тѣ самые памятники, которые, со времени ихъ открытія и доселѣ, являлись въ глазахъ ученыхъ изслѣдователей наиболѣе вѣскимъ доказательствомъ исторической достовѣрности содержанія названной книги и ея тождества съ соборными опредѣленіями. Разумѣемъ упомянутые раньше „наказные списки", которые авторъ разсматриваемой статьи, вопреки обычному мнѣнію, считаетъ не извлеченi-

[1]) *Голубинскій Е. Е.* Исторія русской церкви, т. II, вторая полов., стр. 783. М. 1900.

[2]) Названная статья представляетъ собою рефератъ, прочитанный г. Кононовымъ 28 ноября 1903 г. въ Славянской Коммиссіи Моск. Археол. Общества.

Замѣтимъ для точности, что къ занимающему насъ теперь вопросу относится только одинъ отдѣлъ этой статьи (стр. 680—694), который мы и будемъ имѣть въ виду ближайшимъ образомъ.

емъ изъ „Стоглава“, а *однимъ изъ источниковъ этого послѣдняго,* восходящимъ къ недошедшей до насъ подлинной „соборной книгѣ“. Къ такому заключенію приводитъ г. Кононова сопоставленіе нѣкоторыхъ мѣстъ изъ наказа приходскому духовенству съ соотвѣтствующими мѣстами „Стоглава“, сходными не только по мыслямъ, но и по самому способу ихъ выраженія. Таково заключительное увѣщаніе наказа священнослужителямъ, обѣщающее имъ сугубую мзду отъ Бога за ихъ священническіе труды и подвиги и заканчивающееся словами: „и сія убо до здѣ священству вашему написахомъ“ [1]. „Любопытнѣе всего“, по словамъ нашего автора, то обстоятельство, что это же самое наставленіе дословно (съ незначительнымъ только измѣненіемъ въ началѣ) читается и въ 28 главѣ „Стоглава“ (о „книжныхъ писцѣхъ“), заканчиваясь тою же самою фразой, что и въ наказномъ спискѣ. Между тѣмъ, указанная глава вовсе не является послѣднею въ ряду тѣхъ, содержаніе которыхъ касается обязанностей приходскаго духовенства, и потому заключительныя слова, вполнѣ естественныя въ концѣ наказа, представляются здѣсь совершенно неумѣстными. По мнѣнію г. Кононова, они „съ достаточною ясностью показываютъ, что не наказные списки извлечены изъ такъ называемаго Стоглава, а что Стоглавъ имѣетъ свой источникъ въ наказныхъ спискахъ“ (стр. 683). Подтвержденіе этого онъ находитъ, далѣе, въ томъ, что наставленія „Стоглава“, всего ближе относящіяся къ приходскому духовенству и содержащіяся въ главахъ 17, 23, 26, 27 и др., изложены не въ формѣ безличныхъ предписаній („пусть дѣлаютъ то-то и такъ-то“), а въ формѣ личныхъ увѣщаній („а вы бы дѣлали то-то и такъ-то“), имѣющихъ для себя буквальныя параллели въ наказныхъ спискахъ [2]. Такая форма изложенія кажется автору совершенно подходящей для наказовъ, но отнюдь не для „соборнаго уложенія“, какъ акта церковно-законодательнаго. Наконецъ, и взаимная связь мыслей въ наказахъ представляется ему болѣе ясной, переходы отъ

---

[1]) Наказные списки по вышеуказ. изданію *Бѣляева,* стр. 35; то же въ изд. проф. *Павлова,* стр. 36

[2]) Довольно большое количество такихъ параллелей указано авторомъ въ обширномъ примѣчаніи на стр. 684; ср. стр. 687.

одной мысли къ другой—болѣе естественными, чѣмъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ „Стоглава“, редакторъ котораго, „группируя матеріалъ, часто совершенно механически сливалъ отдѣльныя его части“ (цит. статья, стр. 685). Послѣднее обстоятельство, удостовѣряемое нѣсколькими сопоставленіями и примѣрами [1]), заставляя смотрѣть на „Стоглавъ“, какъ не очень искусную компиляцію, является въ свою очередь аргументомъ противъ его принадлежности авторитетному и многочисленному іерархическому собору. Свои заключенія по вопросу о взаимномъ отношеніи между „Стоглавомъ“ и наказными списками по „соборному уложенію“, адресованными бѣлому духовенству, г. Кононовъ, старается, далѣе, распространить и на ту часть занимающаго насъ памятника, которая излагаетъ различныя правила и предписанія о монастыряхъ. Извѣстно, что соборныя постановленія относительно этого предмета подлежали опубликованію тоже посредствомъ наказныхъ грамотъ, при чемъ эти послѣднія должны были содержать въ себѣ буквальную выписку опредѣленно указанныхъ главъ изъ подлинной „соборной книги“ (см. казанск. изд. „Стоглава“ 1862 г., стр. 358—260, примѣч.). Не отрицая того, что соотвѣтствующія по содержанію мѣста „Стоглава“ своей нумераціей и отчасти самымъ текстомъ даютъ поводъ къ заключеніямъ о тождествѣ этого памятника съ названной „книгой“, авторъ разсматриваемой статьи обращаетъ, однако, вниманіе на то обстоятельство, что въ „Стоглавѣ“ соборныя опредѣленія, входившія въ монастырскій наказъ, „читаются уже не въ своемъ первоначальномъ чистомъ видѣ“ (стр. 692—3). Усматривая въ настоящемъ ихъ составѣ признаки компиляціи изъ двухъ источниковъ: митрополичьяго и царскаго наказа монастырямъ, онъ высказываетъ предположеніе, что упомянутое соотвѣтствіе нумераціи главъ „Стоглава“ съ составлявшими монастырскій наказъ выписками изъ „соборной книги“ есть результатъ намѣренныхъ усилій редактора нашего памятника, направленныхъ къ тому, чтобы придать послѣднему видъ подлиннаго „соборнаго уложенія“.

[1]) При этомъ авторомъ имѣются въ виду какъ ранѣе изданные печатно наказы, такъ и „наказный списокъ особаго вида“, содержащійся въ ркп. XVI в. Моск. Дух. Акад. (изъ библ. Горскаго) и позднѣйшей копіи съ нея, принадлежащей Румянц. Музею (см. стр. 685—688).

При такомъ взглядѣ на книгу „Стоглавъ“ къ какому времени слѣдуетъ пріурочить ея составленіе? Авторъ статьи не даетъ вполнѣ точнаго отвѣта на этотъ вопросъ, высказывая два предположенія, впрочемъ, весьма не далеко расходящіяся между собою въ установленіи предѣльныхъ терминовъ. Опираясь на указанія, даваемыя перечнемъ именъ въ формулѣ царскаго многолѣтія (гл. 6), и сопоставляя ихъ съ однимъ мѣстомъ изъ сильвестровскаго посланія къ казанскому намѣстнику А. В. Шуйскому-Горбатому, онъ приходитъ къ заключенію, что „Стоглавъ“ могъ быть написанъ между декабремъ 1551 и октябремъ 1552 года или—что, по его мнѣнію, вѣроятнѣе—между іюнемъ 1553 и мартомъ 1554 года. Во всякомъ случаѣ, хронологическая близость этого произведенія ко времени собора 1551 г. и для него остается внѣ всякаго сомнѣнія.

II.

Таковы сужденія новаго изслѣдователя по вопросу о происхожденіи „Стоглава“ и отношеніи его къ извѣстнымъ „наказнымъ спискамъ“. При нѣкоторой неустойчивости и, по мѣстамъ, недостаточной опредѣленности частичныхъ замѣчаній, общій центръ тяжести его разсужденій сводится къ тому, чтобы устранить мысль о тождествѣ названнаго памятника съ подлиннымъ „соборнымъ уложеніемъ“ 1551 г., вводя между ними, въ качествѣ посредствующаго звена и непосредственнаго источника „Стоглава“, наказы бѣлому и черному духовенству, составленные по „соборному уложенію“ и отчасти представляющіе буквальныя извлеченія изъ этого послѣдняго. Не трудно видѣть, что мы имѣемъ дѣло съ весьма интересной и оригинальной попыткой—использовать въ интересахъ стариннаго отрицательнаго взгляда по занимающему насъ вопросу тѣ самыя данныя, которыя, со времени ихъ обнародованія, для самыхъ авторитетныхъ представителей нашей церковно-исторической науки казались наиболѣе вѣскимъ и неопровержимымъ аргументомъ въ пользу его положительнаго рѣшенія. Уже одно это, независимо даже отъ первостепенной важности самого изслѣдуемаго памятника, даетъ статьѣ г. Кононова полное право на вниманіе лицъ, интересующихся разработкой нашего историческаго прошлаго.

Попытаемся же критически прослѣдить за разсужденіями нашего автора, чтобы оцѣнить затѣмъ твердость и основательность его окончательныхъ выводовъ.

Первый и — надо согласиться — довольно внушительный повидимому, аргументъ въ пользу разсматриваемаго новаго взгляда на взаимное отношеніе между наказными списками по „соборному уложенію" и книгой „Стоглавъ" заключается, какъ мы уже знаемъ, въ указаніи на естественность одной фразы („и сія убо до здѣ священству вашему писахомъ") въ концѣ наказа и неумѣстности ея тамъ, куда помѣстилъ ее неизвѣстный редакторъ „Стоглава". Въ самомъ дѣлѣ, умѣстны ли приведеныя слова, такъ удачно заканчивающія въ наказѣ рядъ наставленій, обращенныхъ къ лицамъ духовнаго сана, въ церковно-законодательномъ памятникѣ, „долженствующемъ представлять въ себѣ сводъ постановленій относительно практики *всей* русской церкви", и при томъ въ концѣ такой его главы (28-й), которая „не является заключительной для Стоглава и даже не заканчиваетъ собою его главъ, трактующихъ о постановленіяхъ, всего ближе относящихся къ приходскому духовенству"? И не слѣдуетъ ли, имѣя въ виду сейчасъ отмѣченныя обстоятельства, отдать пальму хронологическаго первенства тексту наказа, а соотвѣтствующее мѣсто „Стоглава" признать неудачно выхваченнымъ и не кстати воспроизведеннымъ отрывкомъ изъ наказной грамоты, которую его составитель имѣлъ передъ собою въ качествѣ первоисточника? Г-нъ Кононовъ, не колеблясь, отвѣчаетъ на послѣдній вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, находя такой отвѣтъ, достаточно твердо обоснованнымъ приведенными соображеніями (см. стр. 683 его статьи). Мы затрудняемся, однако, раздѣлить съ нимъ увѣренность въ этомъ—по нижеслѣдующимъ основаніямъ. Намъ кажется, прежде всего, далеко не безукоризненно — удачнымъ заключеніе наказовъ вышеприведенной фразой. Не подлежитъ сомнѣнію, что выраженіе: „до здѣ" умѣстно лишь въ концѣ какого-бы то ни было произведенія *или его самостоятельнаго отдѣла*, а отнюдь не въ срединѣ; но болѣе чѣмъ сомнительны безукоризненное стилистическое совершенство и литературная цѣльность памятника, начинающагося обращеніемъ, помимо духовныхъ лицъ, къ

„царя и великаго князя городовому прикащику Іосифу Михайлову, да Семену Иванову сыну Мохнаткину, да... всего Каргопольскаго уѣзда посадскимъ и волостнымъ и сельскимъ старостамъ и цѣловальникамъ земскимъ“, а заканчивающагося замѣчаніемъ, что наказная грамота писана только одному „священству“. Было бы безполезно указывать, въ объясненіе этого, на то, что наказъ имѣетъ въ виду прежде всего—духовныхъ лицъ, ставя подъ ихъ руководство и контроль извѣстныя явленія церковно-общественной жизни: стилистическая несогласованность его начала съ концомъ будетъ чрезъ это лишь нѣсколько ослаблена, а не устранена совсѣмъ. А затѣмъ, признавши за этимъ указаніемъ извѣстную степень убѣдительности, нельзя не замѣтить, что оно въ полной мѣрѣ примѣнимо и къ самому „Стоглаву“, содержаніе котораго, представляя „сводъ постановленій относительно практики всей русской церкви“, ближайшимъ образомъ, конечно, предлагалось вниманію и пастырской ревности духовныхъ лицъ. Вотъ почему въ немъ съ неменьшимъ правомъ, чѣмъ въ митрополичьемъ наказѣ, могли найдти себѣ мѣсто соборныя опредѣленія, обращенныя къ избраннымъ представителямъ древне-русскаго „священства“, ревностнаго о церковномъ благочиніи и духовномъ благѣ своей паствы. Остается какъ-будто не умѣстнымъ въ немъ лишь выраженіе „до здѣ“, дающее мысль о законченности если не цѣлаго произведенія, то по крайней мѣрѣ—его какого-нибудь отдѣла, между тѣмъ какъ въ „Стоглавѣ“ изложеніе соборныхъ опредѣленій, относящихся къ пастырски-руководственной дѣятельности приходскаго духовенства, не заканчивается 28-й главой, а продолжается въ 29, 30 и слѣд. Но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что мы имѣемъ дѣло съ произведеніемъ, совмѣщающимъ въ себѣ результаты соборныхъ занятій, конечно, не одного дня, при чемъ не исключена возможность и того, что обсужденіе широкаго круга вопросовъ приходско-пастырской практики могло дать матеріалъ для протоколовъ нѣсколькихъ засѣданій. Достаточно предположить, послѣ этого, что 28-й главой заканчивался одинъ изъ такихъ протоколовъ,—и происхожденіе смущающей нашего автора фразы въ самой подлинной „соборной книгѣ“ перестанетъ быть загадочнымъ. Можетъ еще, пожалуй, оставаться, не совсѣмъ

яснымъ лишь то, почему при окончательной обработкѣ соборныхъ дѣяній не была устранена эта фраза, вовсе не необходимая сама по себѣ и не совсѣмъ кстати оказавшаяся между двумя группами опредѣленій, близкихъ по своему содержанію. Но это, съ нашей современной точки зрѣнія несомнѣнное, стилистическое несовершенство отнюдь не представляетъ чего-либо безпримѣрнаго въ старинныхъ нашихъ памятникахъ, однородныхъ съ „Стоглавомъ" по своему происхожденію и составу. Для примѣра можемъ указать на дѣянія такъ называемаго Большого Московскаго собора (1667 г.), принадлежащія болѣе позднему времени и вышедшія, безъ сомнѣнія, изъ-подъ болѣе искуснаго пера, чѣмъ книга, нами разсматриваемая. Глава 3-я этихъ дѣяній содержитъ въ себѣ „толкованіе" восточныхъ патріарховъ (Паисія александрійскаго и Макарія антіохійскаго) „о аллилуіи и о знаменіи честнаго и животворящаго креста, сирѣчь о сложеніи перстовъ, и заповѣдь о святомъ Символѣ, и о Іисусовѣ молитвѣ и о прочихъ" [1]). Изложеніе предлагаемыхъ здѣсь наставленій, сопровождаемое разъясненіями критико-полемическаго характера, прерывается за 3 страницы до конца главы замѣчаніемъ [2]), послѣ котораго трудно было-бы, по—видимому, ожидать, что рѣчь снова вернется къ тому же предмету. И однако вслѣдъ за тѣмъ идетъ рядъ новыхъ, дополнительныхъ разъясненій, касающихся того же самаго, о чемъ достаточно подробно трактовалось и раньше. А если сопоставить указанную главу съ другими мѣстами тѣхъ же „дѣяній", то не трудно будетъ убѣдиться, что и вся она въ цѣломъ является по существу лишь повтореніемъ и болѣе детальнымъ раскрытіемъ положеній, уже нашедшихъ себѣ мѣсто въ 1-й главѣ [3]), представляющей особый, формально вполнѣ законченный соборно-законодательный актъ. Любопытно, что и эта глава прерывается въ одномъ мѣстѣ [4]) замѣчаніемъ, по характеру

[1]) См. Матеріалы для исторіи раск., изд. подъ ред. проф. *Н. И. Субботина*, т. II, стр. 264—279.

[2]) Стр. 276 указ. изданія: „Сіе есть наше толкованіе и заповѣдь о святомъ Символѣ, о аллилуіи и о знаменіи честнаго и животворящаго креста, о сложеніи перстовъ, и о Іисусовѣ молитвѣ".

[3]) Матер. для исторіи раск. изд. подъ ред. проф. *Н. И. Субботина*, т. II, стр. 201—223.

[4]) Тамъ же, стр. 220.

своему аналогичнымъ вышеприведенному. Чтобы закончить рѣчь объ этомъ, не излишне будетъ обратить вниманіе на то, что и сама наказная грамота по „соборному уложенію" 1551 г., такъ выгодно отличающаяся, по мнѣнію нашего автора, своею литературною цѣльностью отъ компилятивнаго „Стоглава", прерывается (и при томъ— не однажды) замѣчаніями, имѣющими характеръ заключенія вполнѣ законченнаго отдѣла [1]). Правда, во всѣхъ указанныхъ случаяхъ нѣтъ буквально повтореннаго злосчастнаго „до здѣ"; но неужели возможно серьезно настаивать на рѣшающемъ значеніи этихъ словъ въ отношеніи къ столь важному вопросу послѣ всего вышесказаннаго?

Другимъ основаніемъ въ пользу своего мнѣнія авторъ разсматриваемой статьи выставляетъ нѣсколько мѣстъ изъ „Стоглава", имѣющихъ буквальныя параллели въ наказѣ и изложенныхъ въ формѣ личнаго увѣщанія („а вы бы дѣлали то-то и такъ-то"), что кажется ему вполнѣ подходящимъ для митрополичьей грамоты, но совсѣмъ не идущимъ къ „Стоглаву", если считать послѣдній подлиннымъ церковно-законодательнымъ актомъ. Не оспаривая этого замѣчанія въ одной его половинѣ (поскольку дѣло касается наказа), нельзя не признать его въ другой совершенно ошибочнымъ. Въ церковно-законодательныхъ актахъ, подобныхъ „Стоглаву", форма личнаго обращенія при изложеніи устанавливаемыхъ и предназначаемыхъ къ неотложному проведенію въ жизнь предписаній отнюдь не представляетъ чего-либо безпримѣрнаго. За доказательствомъ обратимся къ тому же самому памятнику, на который мы уже ссылались выше,— къ дѣяніямъ собора 1667 года и даже, чтобы не пускаться въ дальніе поиски, къ тѣмъ же самымъ главамъ этихъ дѣяній. Безъ сомнѣнія, важнѣйшимъ мѣстомъ въ нихъ является знаменитое „изреченіе", содержащееся въ 1-й главѣ [2]) и представляющее собою въ полномъ смыслѣ слова церковно-законодательный актъ, формально опредѣлившій церковно-правовую точку зрѣнія на нашъ старообряд-

[1]) См., напр., въ изданіи *Бѣляева*, стр. 17: „А нынѣ по цареву совѣту и по соборному уложенію о всемъ о томъ писали есмя къ вамъ, какъ имъ наши дѣла святительскіе вѣдати и дѣлати отнынѣ и впредь о всемъ подлинно" (то же—у *Павлова*, стр. 15).

[2]) Матер. для ист. раск., II, 213—220.

ческій расколъ и отношенія къ нему церковной власти на неопредѣленно-долгія будущія времена. И вотъ именно это-то важнѣйшее въ ряду другихъ постановленій того же собора опредѣленіе изложено какъ разъ не въ формѣ безличнаго предписанія (какъ слѣдовало бы, по мнѣнію нашего автора), а въ формѣ личнаго обращенія ко всему православному духовенству и мірянамъ. „Къ симъ убо нынѣ обще мы, милостію Божіею вселенстіи патріарси", — сказано здѣсь: „вкупѣ со братомъ и сослужителемъ нашимъ святѣйшимъ куръ Іоасафомъ, патріархомъ московскимъ и всея Россіи, и съ преосвященными митрополиты, архіепископы и епископы россійскими, и со прилучившимися здѣ греческими архіереями и со прочими, и со всѣмъ священнымъ соборомъ великороссійскаго государства — во имени великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа соборнѣ заповѣдуемъ всѣмъ *вамъ*, архимандритомъ, и игуменомъ и всѣмъ монахомъ, протопопомъ и старостамъ поповскимъ, и всѣмъ священникомъ мѣстнымъ и не мѣстнымъ, клирикомъ же и всякому чину православнымъ христіаномъ, великимъ и малымъ, мужемъ и женамъ, и повелѣваемъ покарятися *вамъ* во всемъ безъ всякаго сумнѣнія и прекословія святѣй восточнѣй и апостольстѣй церкви Христовѣ" (стр. 213—214). Начавшееся такимъ личнымъ увѣщаніемъ „изреченіе" совершенно просто и непринужденно переходитъ затѣмъ въ безличное предписаніе пастырямъ относительно ихъ обязанности къ паствѣ: „Архимандриты же и игумены *да научатъ* братію всю въ монастырѣхъ, протопопы и старосты поповскіе и попы мѣстные и не мѣстные, мѣстніи же священницы кійждо въ своемъ приходѣ и кійждо священникъ вся своя дѣти духовныя, мужи и жены и отроки *да учатъ* по часту во всѣхъ церквахъ и наединѣ, дабы покарялися вси во всемъ безъ всякаго сумнѣнія святѣй восточнѣй церкви" и т. д. (стр. 214—217). Но этотъ безлично-законодательный строй рѣчи не выдерживается до конца и столь же непринужденно возвращается опять въ прежнему способу выраженія: „Еще же повелѣваемъ всѣмъ *вамъ* освященному чину и показуемъ, како *вамъ* знаменовати, сирѣчь благословити народъ..., и симъ именемъ Господа нашего Іисуса Христа завѣщеваемъ *вамъ* знаменовати вѣрныхъ народы" (стр. 217—218). То же самое безразличное упо-

требленіе и смѣшеніе двухъ стилистическихъ оборотовъ, такъ компрометтирующее, по мнѣнію г. Кононова, книгу „Стоглавъ“, находимъ мы и въ 3-й главѣ соборныхъ дѣяній 1667 г., гдѣ, послѣ длиннаго ряда предписаній и наставленій, изложенныхъ безъ употребленія мѣстоименія 2-го лица, находимъ фразу: „сего ради достоитъ *вамъ* глаголати сію молитву“ и т. д. (стр. 276), послѣ чего рѣчь продолжается опять прежнимъ порядкомъ. Доселѣ, однако, никому не приходило въ голову заподозрить на этомъ основаніи подлинность и оффиціальный характеръ текста дѣяній Большого Московскаго собора (кстати сказать, дошедшихъ до насъ въ оригиналахъ, скрѣпленныхъ собственноручными подписями участниковъ соборныхъ засѣданій), и потому можно думать, что скептицизмъ нашего автора въ отношеніи къ „Стоглаву“, опирающійся на подобныхъ основаніяхъ, едва ли найдетъ себѣ большое число сторонниковъ среди людей, не лишенныхъ нѣкотораго знакомства съ нашей старой письменностью.

Обратимся теперь къ слѣдующему соображенію, выставленному г. Кононовымъ въ защиту своего взгляда на занимающій насъ памятникъ. Оно состоитъ въ указаніи на нѣсколько мѣстъ „Стоглава“, въ которыхъ, по его мнѣнію, нарушена естественная связь и послѣдовательность мыслей, оставшаяся неизмѣнною въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ наказовъ. Къ числу такихъ мѣстъ онъ относитъ, напр., 40-ю главу, вторую половину которой (послѣ запрещенія брадобритія) „какъ-то нескладно составляетъ обширное поученіе къ священникамъ, чтобы они наставляли свою паству блюстись отъ всякихъ пороковъ, тогда какъ всѣ эти слова, вмѣстѣ съ концомъ 28-й главы Стоглава такого же содержанія, представляютъ вполнѣ естественное заключеніе наказныхъ списковъ, обращенныхъ къ приходскому духовенству [1]). Другое подтвержденіе сейчасъ указанной мысли авторъ старается извлечь изъ сопоставленія царскаго многолѣтія въ томъ видѣ, какъ оно читается въ наказномъ спискѣ „особаго вида“, посланномъ въ 1580 г. въ Смоленскъ, съ соотвѣтствующими мѣстами „Стоглава“. Въ послѣднемъ многолѣтіе оканчивается словами: „и о тишинѣ и о

---

[1]) Б. В. за 1904 г., апр., стр. 685.

здравіи и о спасеніи всего православнаго христіанства" (гл. 6), а непосредственно слѣдующія затѣмъ слова: „яко да человѣколюбецъ Господь Богъ, видя всѣхъ насъ обращеніе и чистое покаяніе, избавитъ насъ отъ належащихъ всегда праведныхъ своихъ прещеній"— присоединены къ началу 34-й главы. Совершенно такимъ же образомъ заключительныя слова 34-й главы „Стоглава" въ смоленскомъ наказѣ тѣсно сливаются съ началомъ 37-й, составляя одну фразу: „а развѣ бы жены своей не знали иноа, а наложницы не дръжали, а чадъ своихъ наказывали и учили страху Божію, чтобы промѣжь себя о сусѣдствѣ жили любовно, не крали и не разбивали" [1]). Въ томъ и другомъ случаѣ промежуточныя слова или, лучше сказать, цѣлые отдѣлы, читаемые въ „Стоглавѣ", кажутся нашему автору позднѣйшими вставками, внесенными въ первоначальный текстъ наказовъ и нарушающими его естественную послѣдовательность.—Признаемся, эти замѣчанія представляются намъ наименѣе убѣдительными изъ всего, приводимаго имъ въ доказательство своей главной мысли. Разсужденія о большей естественности такого, а не иного перехода отъ одной мысли къ другой въ текстѣ стариннаго памятника вообще рѣдко имѣютъ характеръ безспорной убѣдительности и сплошь да рядомъ способны навлечь на предлагающаго ихъ не совсѣмъ безосновательный упрекъ въ излишнемъ субъективизмѣ. Едва-ли удастся избѣгнуть такого упрека и г. Кононову, если мы дадимъ себѣ трудъ поближе всмотрѣться въ указанныя сейчасъ мѣста изъ „Стоглава". Намъ думается, что и самъ онъ едва-ли сталъ бы очень сильно настаивать на „нескладности" окончанія 40-й главы, если бы, отрѣшившись на минуту отъ своей во что бы то ни стало доказываемой главной мысли, обратилъ вниманіе на то, что неумѣстное здѣсь, по его мнѣнію, „обширное поученіе священникамъ" очень кстати заканчиваетъ цѣлый отдѣлъ соборныхъ постановленій и непосредственно предшествуетъ другому („о тридесяти и дву царскихъ вопросахъ и соборные отвѣты по главамъ"), значительно отличающемуся отъ предыдущаго какъ по содержанію, такъ и по самой своей формѣ. Весьма

---

[1]) Тамъ же, стр. 687—688.

сомнительно, далѣе, чтобы для всѣхъ показалось убѣдительнымъ мнѣніе нашего автора о нарушеніи естественной послѣдовательности рѣчи въ „Стоглавѣ“ помѣщеніемъ въ 34-й главѣ его нѣскольких словъ, составляющихъ вторую половину вышеприведеннаго отрывка изъ царскаго многолѣтія въ смоленскомъ наказѣ. Чтобы не быть голословными, позволимъ себѣ привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ начала указанной главы. „Священнымъ протопопомъ по соборнымъ церквамъ, а старостамъ священникомъ и десяцкимъ по всѣмъ церквамъ“,—читаемъ мы здѣсь: „дозирати почасту, чтобы у нихъ было по чину и по уставу великаго нашего православія вездѣ чинно по церковному чину, *яко да человѣколюбецъ Господь Богъ видя всѣхъ насъ обращеніе и чистое покаянніе, избавитъ насъ належащихъ всегда праведныхъ своихъ прещеній* и оставитъ всякаго своего гнѣва и милостивымъ окомъ призритъ на свое достояніе и избавитъ насъ мученія и плененія и печалей видимыхъ и невидимыхъ врагъ, да сподобитъ всякаго пребогатнаго своего благого воздаянія; *и того бы ради* протопопы по всѣмъ соборомъ и старосты и десяцкіе священники по вся дни брегли и пытали бы священниковъ приходящихъ къ нимъ, держатъ ли у себя хиротоніи и чтутъ ли по нихъ и себѣ внемлютъ ли“ и т. д. Всматриваясь въ этотъ отрывокъ, мы рѣшительно отказываемся понять, какимъ образомъ можно говорить о нарушеніи естественнаго хода рѣчи въ данномъ случаѣ: до такой степени выхваченная, будто-бы, откуда-то изъ другого мѣста фраза: „яко да человѣколюбецъ“... тѣсно связана здѣсь стилистически и логически съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Болѣе удачнымъ нужно признать другой примѣръ перерыва излагаемыхъ въ „Стоглавѣ“ наставленій о нравственно-руководственной дѣятельности пастырей въ отношеніи къ пасомымъ вставкою гл. 35-й (содержащей въ себѣ „указъ соборнымъ старостамъ поповскимъ на Москвѣ и по всѣмъ градомъ“) и 36-й („о наказани чадъ своихъ“), вѣрнѣе—одной 35-й, такъ какъ глава 36-я не только не является по своему содержанію разнородной съ главами 34-й и 37-й, но представляетъ, на нашъ взглядъ, самое естественное дополненіе къ содержанію первой изъ нихъ и переходъ къ слѣдующей. Однако, отъ признанія этого факта еще далеко до тѣхъ выводовъ, которые дѣ-

лаетъ нашъ авторъ. Напомнимъ, что для своихъ сопоставленій съ „Стоглавомъ" онъ беретъ въ этомъ случаѣ не старшій по времени происхожденія митрополичій наказъ или сходный съ нимъ, посланный въ Вязьму и Хлѣпенъ, а ту грамоту „особаго состава", которая писана спустя много лѣтъ послѣ собора 1551 г. и послѣ составленія книги „Стоглавъ", какъ бы мы ни представляли себѣ отношеніе ея къ подлинному „соборному уложенію". При такихъ условіяхъ, думается намъ, скорѣе можно говорить о передѣлкѣ (пополненіи) древнѣйшаго наказа на основаніи „Стоглава", чѣмъ о составленіи послѣдняго по наказнымъ спискамъ такой редакціи, существованіе которой въ моментъ появленія названнаго памятника остается пока лишь ни на чемъ не основаннымъ предположеніемъ. Какъ бы ни смотрѣли мы, послѣ всего сказаннаго, на отношеніе 35-й главы къ предыдущему и послѣдующему, указаніе на нее едва-ли можно будетъ признать очень вѣскимъ аргументомъ въ пользу разсматриваемаго мнѣнія. Замѣтимъ въ заключеніе, что вообще не слѣдуетъ придавать большого значенія замѣчаемой по мѣстамъ въ „Стоглавѣ" рѣзкости переходовъ отъ одного предмета рѣчи къ другому въ двухъ рядомъ стоящихъ главахъ. Автору разбираемой статьи, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстно, что то же самое можно наблюдать и въ наказѣ [1]), подлинность котораго не подвергается имъ, однако, сомнѣнію на этомъ основаніи.

Такова, на нашъ взглядъ, степень убѣдительности доказательствъ новаго взгляда на „Стоглавъ" и его происхожденіе, извлеченныхъ изъ сопоставленія этой книги съ наказами бѣлому духовенству. Не болѣе убѣдительными кажутся намъ и тѣ выводы, къ которымъ привело нашего автора сравнительное изученіе монастырскаго наказа и соотвѣтствующихъ ему по содержанію главъ названнаго памятника. Принимая за исходный пунктъ для соображеній о составѣ и содержаніи этого наказа упомянутую выше грамоту м-та Макарія въ Симоновъ монастырь, нужно признать, что для разсылки по монастырямъ предназначались буквальныя выписки изъ подлинной „соборной книги" главъ: 49, 50, 51, 52, 75, 76, 67, 68 (до словъ: „а что въ

---

[1]) См., напр., §§ 36 и 37 наказа (по изд. *Бѣляева* стр. 26—27, *Павлова* стр. 26).

митрополіи и во архіепископьяхъ и въ епископьяхъ по которымъ градомъ и по десятинамъ искони вѣчно уставленные жили десятильники") и 31-го царскаго вопроса (разумѣется, съ соборнымъ отвѣтомъ, слѣдовательно—изъ второй группы вопросовъ, составляющихъ въ „Стоглавѣ" 41-ю главу). Уже давно было замѣчено, по поводу именно этого указанія митрополичьей грамоты, что „весьма трудно" доказать нетождественность „соборной книги", изъ которой надлежало дѣлать выписки, со „Стоглавомъ", такъ какъ „статьи, посланныя по монастырямъ для руководства, *безъ сомнѣнія,* суть извѣстныя главы Стоглава" съ той же нумераціей [1]). Содержаніе ихъ, дѣйствительно, оказывается вполнѣ подходящимъ для монастырскаго наказа, чего не оспариваетъ и нашъ авторъ; но онъ отказывается признать текстуальное тождество ихъ съ подлинной „соборной книгой", подмѣчая въ дошедшемъ до насъ изложеніи соборныхъ актовъ явные признаки компиляцій изъ двухъ различныхъ, хотя и близко сходныхъ по содержанію источниковъ: митрополичьяго и царскаго наказовъ монастырямъ. На эту двойственность источниковъ, помимо почти дословнаго повторенія однихъ и тѣхъ же наставленій (противъ „пьянственнаго питія" въ монастыряхъ—средина 49 гл. и начало 52), указываетъ, по мнѣнію г. Кононова, опредѣленное упоминаніе, на ряду съ „соборнымъ уложеніемъ", о царскомъ наказѣ въ 49 главѣ и прозрачный намекъ на него въ гл. 75-й. Какихъ либо заимствованій изъ царскаго наказа, предполагается, не могло быть въ подлинной книгѣ соборныхъ дѣяній, равно какъ и въ тѣхъ выпискахъ изъ нея, которыя предназначались для разсылки по монастырямъ; появленіе же ихъ въ „Стоглавѣ" нужно отнести на счетъ неумѣреннаго усердія его составителя, не умѣвшаго скрыть слѣдовъ фальсификаціи при всемъ желаніи выдать свою книгу за настоящіе акты собора. Авторъ разбираемой статьи не исключаетъ, по-видимому, возможности и того, что различіе между первоначальнымъ „уложеніемъ" и „Стоглавомъ" могло быть и еще значительнѣе, что нумерація главъ въ послѣднемъ

---

[1]) См. „Дополнит. объясненія къ изданію Стоглава" (послѣсловіе къ казан. изданію 1862 г.), стр. 14—15; то же—въ Прав. Собес. 1862 г., т. III.

произвольна и не стоитъ въ прямомъ соотношеніи съ нумераціей ихъ въ соборномъ подлинникѣ. „Быть можетъ—разсуждаетъ онъ—редакторъ Стоглава, имѣя въ рукахъ начало митрополичьей грамоты въ Симоновъ монастырь съ извѣстной припиской, и опредѣлилъ на ея основаніи, что вторая часть 68 гл. должна начинаться со словъ: „а что въ митрополіи и архіепископьяхъ“ и т. д., и остальныя главы монастырскаго наказа, посланнаго митрополитомъ, руководствуясь ей, разбилъ именно на 49, 50 и т. д. главы редактируемаго имъ памятника“ [1]). Для насъ остается рѣшительно непонятнымъ, зачѣмъ понадобилось нашему автору прибѣгнуть къ этому странному и неправдоподобному предположенію въ объясненіе факта, который допускаетъ гораздо болѣе простое и естественное объясненіе даже при той точкѣ зрѣнія по вопросу о происхожденіи „Стоглава“, которую онъ такъ усердно отстаиваетъ. Развѣ не извѣстно изъ митрополичьей грамоты въ Симоновъ монастырь, что ко времени разсылки, въ качествѣ наказа монастырямъ, выписки изъ „соборной книги“, послѣдняя уже имѣла раздѣленіе на главы, и развѣ есть какое-нибудь препятствіе думать, что упомянутая выписка воспроизводила не только текстъ изв. главъ „соборнаго уложенія“, но и самую ихъ нумерацію, вмѣстѣ съ соотвѣтствующимъ заголовкомъ? А разъ это такъ, составителю „Стоглава“—будь эта книга и на самомъ дѣлѣ тѣмъ, за что считаетъ ее г. Кононовъ—всего проще было, не мудрствуя лукаво, разставить заимствованныя изъ монастырскаго наказа главы на надлежащихъ мѣстахъ, соотвѣтственно ихъ цифровому обозначенію въ оригиналѣ. Уже по одному этому можно судить, къ какимъ натянутымъ соображеніямъ рѣшается прибѣгать авторъ разсматриваемой статьи, чтобы окончательно дискредитировать „Стоглавъ“ со стороны его подлинности. Но то же самое нужно сказать и почти обо всей остальной аргументаціи, нами только-что воспроизведенной. Оставляя въ сторонѣ примѣръ повторенія мыслей и самой формы ихъ выраженія въ двухъ не рядомъ стоящихъ главахъ, какъ мало убѣдительный

---

[1]) Б. В. 1904 г., апр., стр. 693.

въ данномъ случаѣ [1]), нельзя не замѣтить, что предположеніе о содержащемся въ 75-й главѣ занимающаго насъ памятника „намекѣ" на царскій наказъ—болѣе чѣмъ сомнительно. Если и есть здѣсь, дѣйствительно, ясный намекъ на какое-то заявленіе царя по тому предмету, о которомъ идетъ рѣчь въ указанной главѣ (о монастырскихъ вотчинахъ и царской помощи монастырямъ), то—конечно—намекъ на 15-й царскій вопросъ (первой группы), который и воспроизведенъ въ ней, съ соблюденіемъ обычной манеры старинной цитаціи, почти сполна и дословно [2]). Болѣе сильно и убѣдительно, по-видимому, указаніе на 49 главу, вторая половина которой, по содержанію существенно не отличаясь отъ первой, имѣетъ особый заголовокъ: „о томъ же отъ царскаго написанія" и, будучи изложена отъ имени царя, содержитъ увѣщаніе монахамъ жить по его „наказу и по соборному уложенію" [3]). По мнѣнію нашего автора, это—явная прибавка къ первоначальному тексту „соборнаго уложенія", составленная на основаніи этого послѣдняго и представляющая не что иное, какъ царскій наказъ монастырямъ или, по крайней мѣрѣ, отрывокъ изъ этого наказа. Есть, однако, довольно вѣское основаніе отнестись скептически къ такому мнѣнію и поискать иного объясненія указаннымъ особенностямъ въ текстѣ „Стоглава". Дѣло въ томъ, что о содержаніи выписокъ изъ „соборной книги", разсылавшихся, въ качествѣ митрополичьяго наказа, по монастырямъ, мы знаемъ нѣсколько болѣе простого цифирнаго указанія на отдѣлы и главы соборнаго уложенія. Изъ предисловія проф. Павлова къ изданному имъ тексту наказа приходскому духовенству давно уже стало извѣстно, что за

---

[1]) Помимо того, что такое повтореніе вообще представляетъ дѣло совсѣмъ не безпримѣрное въ памятникахъ старой письменности (см. выше), нужно имѣть въ виду, что ни та, ни другая изъ указанныхъ авторомъ главъ въ тѣхъ своихъ частяхъ, гдѣ буквально воспроизводится одно и то же „собраніе отъ божественнаго писанія" о монастырскомъ пьянствѣ, ни по содержанію, ни по изложенію не даютъ ни малѣйшаго указанія на происхожденіе ихъ изъ царскаго наказа, а не изъ актовъ самого собора.

[2]) Стогл. по цит. изд. казан. акад., стр. 343; ср. тамъ же, стр. 60.

[3]) Б. В. 1904 г., апр., стр. 691.

этимъ текстомъ въ рукописной кормчей конца XVI в. (петерб. дух. акад. № 1176), по которой сдѣлано названное изданіе, слѣдуютъ „*цѣликомъ* почти всѣ тѣ главы изъ Стоглава, какія посланы были и при грамотѣ Макарія въ Симоновъ“ [1]). Ученый издатель вяземско-хлѣпенскаго наказа не замѣтилъ между ними только двухъ главъ: 75-й и 76-й; но по наведеннымъ нами справкамъ оказывается, что произошло это не вслѣдствіе дѣйствительнаго пропуска ихъ въ академической рукописи. Текстъ названныхъ главъ помѣщенъ въ ней также *цѣликомъ* (на л. 299—301 об.), только безъ цифроваго обозначенія на поляхъ, имѣющагося при остальныхъ, приводимыхъ здѣсь, выпискахъ изъ „Стоглава“,—что, вѣроятно, и было причиною упомянутаго недосмотра. Такимъ образомъ, рукопись № 1176 сохранила намъ при составѣ, вполнѣ соотвѣтствующемъ указаніямъ митрополичьей грамоты въ Симоновъ монастырь [2]), самый *текстъ монастырскаго наказа*, не дающій ни малѣйшаго основанія различать „Стоглавъ“ отъ подлинныхъ актовъ собора. Чтобы устранить доказательную силу этого свидѣтельства, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстнаго и нашему автору, хотя и не принятаго имъ почему-то во вниманіе при обсужденіи даннаго вопроса, пришлось бы, конечно, прибѣгнуть къ тому же самому предположенію, какое высказано имъ по поводу смоленскаго наказа [3]),—именно, что первоначальный текстъ

---

[1]) См. указ. изд. стр. 2, примѣч.: названы главы 49, 50, 51, 52, 66, 67, 68 и царскій вопросъ 31.

[2]) Что касается того, что въ ркп. петерб. акад. № 1176 среди другихъ главъ имѣется и 66-я, не указанная въ митрополичьей грамотѣ, то нужно, кажется, допустить, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло не съ произвольной прибавкой писца, а съ пропускомъ цифры въ самой грамотѣ. Въ подтвержденіе этого можно указать, во 1-хъ, на самое содержаніе 66-й главы, вполнѣ подходящее для монастырскаго наказа (рѣчь идетъ о святительскомъ судѣ надъ архимандритами, игуменами и прочей братіей); во 2-хъ, на то, что въ другомъ спискѣ наказа, о которомъ сейчасъ ниже, наряду со всѣми остальными главами, указанными въ симоновской грамотѣ, имѣется также и гл. 66 (помѣщена между 76 и 67 главами). Напомнимъ еще, что грамота, сейчасъ упомянутая, дошла до насъ не въ подлинникѣ, а въ единственномъ спискѣ XVII вѣка (см. „Стоглавъ“ цит. каз. изд., стр. 258 и предисл. стр. VI), конечно, ничѣмъ не гарантированномъ отъ случайнаго пропуска *двухъ буквъ* съ цифровымъ значеніемъ.

[3]) Въ концѣ послѣдняго имѣются тѣ же самыя выписки, что и въ вяземско-хлѣпенскомъ наказѣ.

соборнаго уложенія тамъ и здѣсь не удержанъ позднѣйшими переписчиками, а „уже замѣненъ главами Стоглава“ [1]). Прежде чѣмъ приступить къ оцѣнкѣ такого предположенія, позволимъ себѣ обратить вниманіе еще на одну рукопись, имѣющую, какъ намъ кажется, по содержанію своему ближайшее отношеніе къ занимающему насъ теперь вопросу. Разумѣемъ сборникъ Моск. Дух. Академіи, изъ принадлежавшихъ прежде Волоколамскому монастырю, № 154 (517), по происхожденію своему, можно думать, очень близкій ко времени Стоглаваго собора [2]). Послѣдніе листы его (187—218) заняты выписками, по произведенному нами сличенію, представляющими (за немногими и ничтожными разночтеніями въ отдѣльныхъ словахъ) буквальное сходство съ тѣми главами „Стоглава“, нумерація которыхъ соотвѣтствуетъ указаніямъ грамоты въ Симоновъ монастырь [3]). Замѣчательно, что и самый порядокъ главъ удержанъ здѣсь тотъ же самый, что и въ упомянутой грамотѣ, а глава 68-я прерывается какъ разъ на словахъ: „а что въ митрополіи“ и т. д. Все это, на нашъ взглядъ, не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что мы имѣемъ дѣло въ данной рукописи съ копіей того же монастырскаго наказа. Итакъ, передъ нами три списка этого послѣдняго, существенно тождественные между собою и ничѣмъ не отличающіеся отъ текста соотвѣтствующихъ главъ „Стоглава“. Неужели—спросимъ теперь—можно сколько-нибудь серьезно утверждать, что во всѣхъ трехъ случаяхъ рукописи сохранили намъ не настоящую копію выписокъ изъ „соборной книги“, такъ и пропавшую безслѣдно во мракѣ временъ, а произвольную замѣну ихъ отрывками изъ какой-то анонимной фальсификаціи соборныхъ дѣяній? Какимъ образомъ могло

---

[1]) Б. В. 1904 г., апр., стр. 693.

[2]) Впереди рукописи, на оборотѣ бѣлаго ненумерованнаго листа, имѣется запись: „Книга чернъца Васіяна Фатѣева ученика, отъ правилъ избраніе“. Упоминаемый здѣсь Фатѣй или Фотій въ свою очередь былъ ученикомъ Кассіана Босого современника и сподвижника препод. Іосифа Волоцкаго.—Указатель содержанія сборника № 154 (517) см. у іером. *Іосифа*— Опись рукописей, перенесенныхъ изъ библіотеки Іосифова монастыря въ библіотеку Московской Духовной Академіи, стр. 157—159. М. 1882.

[3]) Лишнею здѣсь, какъ и въ двухъ вышеуказанныхъ спискахъ монастырскаго наказа, является 66 глава, помѣщенная на томъ же самомъ мѣстѣ, т. е. между 76 и 67 гл.

случиться, что три писца, въ разное время и не въ одномъ мѣстѣ выполнявшіе свою работу, проявили такое поразительное единодушіе въ непозволительномъ пренебреженіи къ оффиціальному акту, имѣющему соборную санкцію, и въ легкомысленномъ стремленіи сообщить авторитетъ церковнаго закона книгѣ, составленной неизвѣстно кѣмъ? И не гораздо ли естественнѣе, не прибѣгая къ такимъ предположеніямъ, признать, что въ подлинныхъ актахъ собора тѣ главы, которыя вошли въ монастырскій наказъ, читались въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ сохранились до насъ и въ книгѣ „Стоглавъ"? Нахожденіе въ 49-й главѣ этой книги выписки „отъ царскаго написанія" едва ли можно признать за фактъ такой убѣдительности, которая способна поколебать силу сейчасъ указанныхъ основаній для утвердительнаго отвѣта на послѣдній вопросъ. Наименованіе „царскаго написанія" само по себѣ съ одинаковымъ правомъ можетъ быть примѣнено какъ къ царской наказной грамотѣ, составленной послѣ собора примѣнительно къ его постановленіямъ, такъ и къ письменному заявленію, поданному царемъ на соборъ [1]). Равнымъ образомъ, и содержащееся въ приведенной подъ этимъ заголовкомъ выпискѣ упоминаніе о царскомъ наказѣ и соборномъ уложеніи можетъ быть понимаемо не только въ смыслѣ ссылки на составленный уже наказъ и вполнѣ законченную книгу соборныхъ актовъ, а и въ смыслѣ указанія той формы и тѣхъ способовъ, посредствомъ которыхъ предстоитъ провести въ жизнь проэктируемыя царемъ мѣропріятія. Въ частности, подъ царскимъ „наказомъ" не безъ основанія можно разумѣть въ данномъ случаѣ тѣ именно распоряженія, изданіе которыхъ обѣщается царемъ непосредственно передъ тѣмъ („и азъ по тому же *велю* управляти"). Во всякомъ случаѣ, какое бы толкованіе мы ни давали отмѣченнымъ мѣстамъ 49 главы, — безусловно необходимымъ остается одно: чтобы это истолкованіе не стояло въ противорѣчіи съ несомнѣннымъ фактомъ нахожденія изъясняемыхъ словъ въ подлинной „соборной книгѣ".

---

[1]) Упоминаніе о такихъ заявленіяхъ см. въ началѣ и въ концѣ 3-й главы „Стоглава" (каз. изд. стр. 26 и 43).

III.

Изложенными въ предыдущей главѣ замѣчаніями мы можемъ считать достаточно исчерпаннымъ вопросъ о степени основательности всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ аргументовъ, которые выставлены въ статьѣ г. Кононова въ защиту его мысли о происхожденіи „Стоглава“ изъ наказныхъ списковъ. Но мы не можемъ не коснуться, для полноты предлагаемаго разбора, и той общей концепціи, какую получаетъ процессъ составленія названнаго памятника подъ перомъ нашего автора. Съ сущностью этой концепціи мы уже познакомились изъ предыдущаго, и потому напомнимъ ее лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

По мнѣнію г. Кононова, „Стоглавъ“ не только не представляетъ собою подлинныхъ актовъ собора 1551 г., но не можетъ быть признанъ и за ихъ непосредственную переработку. Содержаніе и текстъ этихъ актовъ были извѣстны составителю дошедшаго до насъ изложенія ихъ не въ полномъ составѣ, а лишь въ тѣхъ краткихъ извлеченіяхъ и болѣе обширныхъ выпискахъ, какія разсылались, въ качествѣ митрополичьихъ и епископскихъ наказовъ, приходскому духовенству и монастырямъ. Воспользовавшись этими отрывками, неизвѣстный редакторъ „Стоглава“ дополнилъ ихъ по разнымъ другимъ источникамъ, во главѣ которыхъ долженъ быть поставленъ царскій наказъ духовенству, составленный послѣ собора примѣнительно къ его постановленіямъ. Свою компиляцію составитель хотѣлъ, однако, выдать за подлинные акты собора, для чего искусственно придалъ своему произведенію такое дѣленіе на главы, которое должно было устранять возможныя сомнѣнія въ его подлинности. Цѣль фальсификатора была достигнута настолько успѣшно, что позднѣйшіе переписчики наказовъ, не полагаясь на вѣрность содержащихся тамъ выписокъ изъ „соборной книги“, предпочитали замѣнять ихъ текстомъ соотвѣтствующихъ отдѣловъ изъ „Стоглава“, еще болѣе содѣйствуя этимъ закрѣпленію за нимъ репутаціи подлиннаго „соборнаго уложенія“ 1551 г.

Такъ представляетъ себѣ происхожденіе занимающаго насъ памятника авторъ разсматриваемой статьи. Трудно представить себѣ что-либо менѣе правдоподобное, чѣмъ гипотеза, имъ предлагаемая.

Въ самомъ дѣлѣ, г. Кононовъ не оспариваетъ, да—въ виду

несомнѣннѣйшихъ данныхъ—и не можетъ оспаривать того, что результатомъ занятій собора 1551 года была цѣлая „соборная книга“, въ іюлѣ мѣсяцѣ названнаго года уже существовавшая не только въ оффиціально одобренномъ текстѣ, подлежавшемъ опубликованію, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, посредствомъ „наказовъ“, но и съ раздѣленіемъ на главы, числомъ не менѣе 76. Не безъизвѣстно ему и то, что эта „книга“ вовсе не составляла не только въ извлеченіяхъ, но и въ полномъ своемъ составѣ, какой-то канцелярской тайны: изъ свидѣтельства упомянутаго раньше сильвестровскаго посланія къ Шуйскому-Горбатому видно, что спустя приблизительно года два послѣ собора „та книжка соборная“ имѣлась „въ новомъ городѣ Свіяжскомъ у протопопа“. Разумѣть подъ этой „книжкой“ не подлинное уложеніе собора, а такую анонимную переработку его, какою считаетъ г. Кононовъ извѣстный намъ „Стоглавъ“, было бы болѣе чѣмъ странно, имѣя въ виду, что указаніе идетъ отъ лица, не только несомнѣнно присутствовавшаго на соборѣ, но и бывшаго—можно думать—однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ его членовъ. Едва-ли можетъ быть, далѣе, сомнѣніе въ томъ, что свіяжскій протопопъ былъ не единственнымъ обладателемъ списка „соборной книги“, въ полномъ текстѣ которой кое-кто изъ людей того времени могли нуждаться не менѣе его по своему церковно-административному положенію. Здѣсь, естественно, прежде всего приходятъ на мысль главные участники собора—епархіальные епископы, которымъ, по возвращеніи на епархію, предстояло оповѣстить подчиненные имъ органы церковной администраціи о содержаніи новаго „уложенія“ и затѣмъ дѣятельно слѣдить за практическимъ проведеніемъ его въ жизнь. Даже признавши за несомнѣнное, что присутствовавшими на соборѣ іерархами, еще до окончанія ихъ совмѣстныхъ занятій, былъ сообща составленъ стереотипный текстъ извѣстныхъ наказовъ, содержавшихъ въ себѣ, въ пересказѣ или извлеченіяхъ, *почти* всю законоположительную часть соборныхъ актовъ[1],—

[1]) Указаніе на это, кромѣ почти дословнаго сходства митрополичьихъ наказовъ во Владиміръ и Каргополь съ наказомъ епископа сарскаго въ Вязьму и Хлѣпенъ, можно усматривать въ одномъ мѣстѣ этихъ наказовъ (§ 19): „Тако же есмя нынѣ, послали къ вамъ, по цареву совѣту и по повелѣнію, и по его царевымъ вопросомъ, *сіе соборное посланіе,* вкратцѣ написавъ о многоразличныхъ церковныхъ чинѣхъ“ (по изд. *Бѣляева* стр. 17; *Павлова*—стр. 15).

можно ли представить себѣ, что ни для кого изъ нихъ не казалось нужнымъ и желательнымъ имѣть подъ руками, сверхъ того, и списокъ этихъ актовъ въ полномъ составѣ, со всѣмъ справочнымъ матеріаломъ и дополнительными разъясненіями, представляющими наилучшій и надежнѣйшій комментарій къ только-что состоявшимся постановленіямъ? Прибавимъ къ этому, что помимо своего церковно-законодательнаго значенія, дѣянія собора 1551 г. имѣли для современниковъ (какъ и для насъ теперь) особый интересъ по тому исключительному участію, какою принималъ юный царь Іоаннъ въ подготовкѣ и ходѣ соборныхъ занятій. Все это, думается намъ, достаточно объясняетъ тѣ побужденія, въ силу которыхъ „соборная книга" *въ цѣломъ своемъ составѣ* должна была получить нѣкоторое распространеніе и извѣстность даже и внѣ чисто-оффиціальной среды. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ трудно допустима самая мысль о возможности появленія какой-то фальсификаціи соборныхъ актовъ, претендующей выдавать себя за ихъ подлинникъ. Во всякомъ случаѣ, если бы она и появилась, то успѣхъ ея былъ бы поистинѣ дѣломъ совершенно необъяснимымъ. Припомнимъ, съ какою настойчивостью внушалось отъ имени этого самаго собора книжнымъ писцамъ писать съ „добрыхъ переводовъ", т. е. надежныхъ и исправныхъ оригиналовъ, избѣгая всякихъ „описей, недописей и точекъ непрямыхъ„", а духовнымъ властямъ—возбранять съ „великимъ запрещеніемъ" распространеніе неисправныхъ списковъ [1]). Къ чему другому могло быть примѣнено это „великое запрещеніе" съ большею строгостью, чѣмъ къ распространенію поддѣлокъ подъ церковно-законодательный актъ первостепенной важности, содержащій въ себѣ авторитетный отвѣтъ на живые запросы современности, предъявленные на разрѣшеніе собора отъ имени самого царя? А между тѣмъ, по гипотезѣ нашего автора, книга соборныхъ дѣяній чуть ли не съ перваго дня своего существованія отдается на произволъ книжныхъ писцовъ и ни разу не появляется въ подлинномъ своемъ видѣ для изобличе-

[1]) См. въ „Стоглавѣ" царск. вопросъ 5-й (изъ первой группы) и соборный отвѣтъ на него въ гл. 28; ср. § 36 наказа приходск. духовенству (по изд. *Бѣляева* стр. 24; у *Павлова* стр. 23—24).

нія анонимной поддѣлки, составитель которой даже не далъ себѣ труда познакомиться съ полнымъ текстомъ фальсифицируемаго памятника... Чтобы допустить подобную странность, нужно предположить одно изъ двухъ: или—что подлинная „соборная книга“ вскорѣ же послѣ ея составленія почему-то утратила авторитетъ и значеніе въ глазахъ представителей церковной власти и перестала быть предметомъ ихъ охранительной заботливости; или же—что поддѣлка, по своимъ качествамъ, оказалась способной ввести въ заблужденіе даже компетентныхъ лицъ, заставить ихъ принять ее не только за подлинный, но и за болѣе исправный текстъ соборныхъ дѣяній. Однако, согласиться на первое препятствуетъ цѣлый рядъ оффиціальныхъ документовъ XVI и XVII в.в. съ указаніями на „соборное уложеніе“ 1551 г., содержаніе которыхъ не можетъ быть возводимо къ извлеченіямъ изъ него („наказамъ“), какъ своему первоисточнику [1]). Очевидно, книга соборныхъ постановленій на протяженіи болѣе сотни лѣтъ (до изв. опредѣленія собора 1667 г., а отчасти даже и послѣ него) продолжала сохранять за собою силу дѣйствующаго закона, а это обстоятельство, казалось бы, уже само по себѣ должно было достаточно обезопасить ее отъ безцеремонныхъ продѣлокъ фальсификаторовъ. Но, быть можетъ, разгадка недоумѣнія и заключается, дѣйствительно, въ томъ, что поддѣлка не была слишкомъ безцеремонною, а наоборотъ—произведена настолько искусно, что легко могла быть принята за болѣе исправную редакцію подлинника? Въ отвѣтъ на это напомнимъ, прежде всего, что такое предположеніе едва-ли согласуется съ представленіемъ нашего автора объ источникахъ и способѣ составленія „Стоглава“. Мы уже видѣли, что—по мнѣнію г. Кононова—неизвѣстный поддѣлыватель соборныхъ актовъ 1551 г. не считалъ даже нужнымъ обратиться къ ихъ подлинному тексту, а ограничился тѣми извлеченіями изъ него, какія содержались въ „наказахъ“, дополнивъ ихъ различными интерполяціями и раздѣливъ все

---

[1]) Не приводя достаточно общеизвѣстныхъ примѣровъ этого, отсылаемъ интересующихся къ упомянутому выше послѣсловію казанскаго изданія „Стоглава“, гдѣ сведены многочисленныя ссылки на „соборное уложеніе“ 1551 г. въ документальныхъ памятникахъ указ. времени.

свое произведеніе на главы съ такимъ разсчетомъ, чтобы нумерація ихъ могла ввести въ заблужденіе поверхностнаго читателя, кое-что смутно знающаго о содержаніи монастырскаго „наказа“. Не трудно понять, что могло получиться въ результатѣ *такой* работы: поддѣлка, будь она на самомъ дѣлѣ такъ выполнена, вышла бы настолько грубой и неискусной, что едва-ли могла бы обмануть кого бы то ни было. Тѣмъ болѣе странно предположить, что изъ лицъ, по своему оффиціальному положенію имѣвшихъ возможность и надобность знать подлинное содержаніе соборныхъ постановленій, не нашлось ни одного, кто оказался бы въ состояніи замѣтить грубый обманъ и изобличить его виновника. Вѣдь не говоря уже о естественной для упомянутыхъ сейчасъ лицъ осмотрительности въ пользованіи тѣми источниками, которымъ усвояется сила дѣйствующаго закона, даже простая случайность могла натолкнуть на сопоставленіе подлинной „соборной книги“ съ поддѣлкой подъ нее и обнаружить ихъ несходство. Но, быть можетъ, неизбѣжность такого открытія устранится сама собой, если допустить—хотя бы и во преки утвержденіямъ г. Кононова—что работа неизвѣстнаго составителя „Стоглава“ была произведена достаточно осторожно и осмотрительно, ограничившись лишь кое-какими интерполяціями подлинныхъ актовъ собора? Намъ думается, что и въ такомъ случаѣ полная удача предпріятія останется почти столь же трудно объяснимою, по крайнѣй мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока хоть что-нибудь заслуживающее серьезнаго вниманія по своему содержанію или формѣ въ составѣ занимающаго насъ памятника будетъ относимо на долю предполагаемаго фальсификатора. Какъ бы ни были малочисленны подобнаго рода вставки, трудно представить себѣ, чтобы первоначальное отсутствіе ихъ такъ и осталось никѣмъ незамѣченнымъ, и еще болѣе трудно понять, какимъ образомъ онѣ, едва появившись, могли тотчасъ же превратиться для современниковъ чуть-ли не въ отличительный признакъ подлинныхъ соборныхъ дѣяній. А между тѣмъ, о чемъ другомъ, какъ не о подобномъ превращеніи свидѣтельствовала бы предполагаемая авторомъ разбираемой статьи замѣна первоначальнаго текста выписокъ изъ „соборной книги“, разсылавшихся, къ качествѣ наказа, по монастырямъ,

интерполированными главами изъ анонимной поддѣлки подъ оффиціальную редакцію названнаго памятника? Припомнимъ, что рѣчь идетъ не о случайной особенности одного какого-нибудь списка наказной грамоты, такъ какъ дословное тождество между этой послѣдней и соотвѣтствующими отдѣлами „Стоглава" наблюдается, какъ мы уже видѣли, во всѣхъ трехъ доселѣ извѣстныхъ копіяхъ монастырскаго наказа. Уже и этотъ необычайный успѣхъ *частичной* подмѣны подлиннаго текста важнаго оффиціальнаго документа поддѣлкою подъ него не можетъ не показаться достаточно страннымъ и удивительнымъ; но этимъ дѣло не ограничивается. Слѣдуя гипотезѣ г. Кононова, мы неизбѣжно становимся лицомъ къ лицу съ гораздо большею странностью, состоящею въ томъ, что *безслѣдно исчезнувшей* приходится признать и *всю* подлинную „соборную книгу" 1551 г., уступившую свое мѣсто частной анонимной поддѣлкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни удивительно было бы употребленіе въ оффиціальной практикѣ подложныхъ дѣяній знаменитаго собора вмѣсто подлинныхъ, но и это все же допустимѣе и понятнѣе, чѣмъ отсутствіе, наряду съ сохранившимися въ достаточно большомъ числѣ рукописями „Стоглава", хотя бы *одного* списка подлинной „соборной книги" съ тѣми особенностями, какія усвояетъ ей нашъ авторъ. Поистинѣ, странная и поразительная случайность: церковно-законодательный памятникъ первостепенной важности непрерывно примѣняется, на протяженіи длиннаго ряда десятилѣтій, въ качествѣ источника дѣйствующаго права; указанія и ссылки на него, а иногда и буквальныя выдержки, то и дѣло встрѣчаются въ оффиціальныхъ документахъ XVI и XVII в.в.; изъ уваженія къ авторитету соборныхъ постановленій усердно списывается поддѣлка подъ нихъ и распространяется въ большомъ количествѣ списковъ, часть которыхъ уцѣлѣла и до нашихъ временъ; а самый подлинникъ этихъ постановленій, предполагаемый первоисточникъ многочисленныхъ заимствованій, что называется, какъ „въ воду канулъ"... Можно-ли представить себѣ что-нибудь менѣе правдоподобное, чѣмъ это странное сцѣпленіе обстоятельствъ, столь благопріятное для замысловъ предполагаемаго фальсификатора? Если бы, тѣмъ не менѣе, авторъ разбираемой статьи захотѣлъ во что бы то ни стало

продолжать отстаивать свою мысль о неподлинности (въ изв. смыслѣ) „Стоглава“, то ему во всякомъ случаѣ пришлось бы уже свести роль неизвѣстнаго исказителя соборныхъ актовъ 1551 г. до минимума, а разность между этими актами и извѣстнымъ намъ теперь „Стоглавомъ“ почти къ нулю. Но въ такомъ случаѣ есть ли какая-нибудь надобность и въ самой гипотезѣ о поддѣлкѣ, —скажемъ болѣе: остается ли хоть какое-нибудь основаніе строить такую гипотезу?

Сказаннымъ до сихъ поръ достаточно, на нашъ взглядъ, исчерпывается вопросъ о томъ, насколько основательнымъ долженъ быть признанъ взглядъ нашего автора на „Стоглавъ“ и его источники. Ни частная аргументація, направленная противъ признаннаго въ современной церковно-исторической наукѣ соотношенія между „Стоглавомъ„ и „наказными списками“, ни общая концепція вновь предложенной гипотезы о происхожденіи „Стоглава“ изъ „наказовъ“ не могутъ быть признаны свободными отъ возраженій и удовлетворяющими требованіямъ исторической правдоподобности. Въ виду этого за „Стоглавомъ“ въ его такъ наз. *полной* редакціи по прежнему должно быть сохранено значеніе актовъ собора 1551 г., конечно, не избѣжавшихъ общей участи всѣхъ рукописныхъ памятниковъ нашей старины: мелкихъ разночтеній и случайныхъ ошибокъ писца, но во всякомъ случаѣ—не испытавшихъ на себѣ руки дерзкаго фальсификатора, не считавшаго даже (будто-бы) нужнымъ имѣть подъ руками текстъ искажаемаго памятника.

Съ установленіемъ этого положенія рѣшается самъ собою и вопросъ о времени происхожденія „Стоглава“. Оставляя, поэтому, въ сторонѣ относящіяся сюда соображенія г. Кононова, замѣтимъ только, что самый пріемъ, примѣненный имъ въ этомъ случаѣ, не можетъ быть признанъ вполнѣ удачнымъ. Упоминаніе тѣхъ или другихъ именъ въ формулѣ царскаго многолѣтія можетъ, конечно, служить основаніемъ для соображеній о времени появленія *данной копіи* изслѣдуемаго памятника или ея ближайшаго оригинала; но едва-ли оно даетъ право дѣлать рѣшительныя заключенія о времени составленія и самого памятника. Въ противномъ случаѣ намъ пришлось бы,

напр., на томъ же основаніи признать текстъ церковно-богослужебныхъ книгъ, содержащійся въ ихъ печатныхъ изданіяхъ, восходящимъ не далѣе того года, который значится на ихъ выходномъ листѣ.

Въ заключеніе не можемъ не повторить еще разъ, что при всѣхъ своихъ недочетахъ разсмотрѣнная нами статья заслуживаетъ вниманія, какъ новая и оригинальная попытка рѣшить старый вопросъ о происхожденіи „Стоглава".

И. Громогласовъ.

Печатать дозволяется. Цензоръ, Протоіерей *Александръ Боголюбовъ.*

№ 32. Рязань. Типографія Братства. 1905.

Цѣна 25 коп.

